

ГАЛИНА РОМАНОВА

ДЕМОН ИСКУШЕНИЯ

МОСКВА

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Первый шаг к пропасти
С первого взгляда	Вкус запретного плода
Второй подарок судьбы	Исповедь обманутой жены
Зеленые глаза викинга	Свидетельницы зла
Тайна, приносящая смерть	Королева отшельников
Цвет мести – алый	Игры небожителей
Не доставайся никому!	Грех с ароматом полыни
Чужая жена – потемки	Кукла-любовь
Возвращаться – плохая примета	Позови ее по имени
Врачебная тайна	К северу от любви
Призрак другой женщины	Пепел прошлого
Тайну хранит звезда	Без крестной феи
Семь лепестков зла	Псевдоним украденной жизни
Свидание на небесах	Цена откровения
Ведьма отмщения	Конец игры с продолжением
Программа защиты любовниц	Шоу семейных секретов
Кинжал в постели	В интересах личного дела
Гнев влюбленной женщины	Правда персонального формата
Лучший день в году	Простить нельзя помиловать
Нирвана для чудовища	Лабиринт простых сложностей
Незнакомка с тысячью лиц	Теория вероятного чуда
Последнее прибежище негодяя	Забавы мертвых душ
Счастье с третьей попытки	Преступные игры гения
Подвенечный саван	Тайна за семью печалями
Заклятие счастья	По следам старых грехов
Торговка счастьем	Золотое правило молчания
Амур с оптической винтовкой	Дневники преступной памяти
Мсть Спящей красавицы	Последний секрет на троих
Демон ревности	Сто причин поверить
Преступно счастливая	Маршрут случайных пассажиров
Изменница поневоле	Тест на доверие
Закон сильной женщины	Маскарад благих желаний
Без вины преступница	Герои старого кино
Пленная птица счастья	Полезный третий лишний
Ничего личного, кроме боли	Неслышные шаги зла
Заговор обреченных	Возмездие по плану совпадений
Узнай меня	Тень чужого врага
Заповедник потерянных душ	Злодей второго плана
Ангел мщения	Пока молчит свидетель

ГАЛИНА РОМАНОВА

ДЕМОН ИСКУШЕНИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии А. Антонова

Дизайн обложки А. Зининой

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Демон искушения / Галина Романова. —
Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253805-6

Юля Миронкина не зря считала себя самой счастливой женщиной на земле. Муж — красавец. Дом — полная чаша. В семье царят мир и гармония. Что, спрашивается, еще надо для счастья?! Живи и радуйся! Вот она и радовалась. Ровно до того момента, как Степан, ее ненаглядный любимый муж, погиб. Страшно и нелепо. А еще большей нелепостью оказалась страховка на полмиллиона долларов. Именно на такую сумму Степан застраховал свою жизнь. А вот жизнь и свобода самой Юли из-за этих денег теперь практически висят на волоске...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2027
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027
ISBN 978-5-04-253805-6

ГЛАВА I

Ее ожидание не было утомительным. Оно было спокойным, блаженным, не обремененным скачками секундной стрелки часов. Ей было все равно, сколько прошло времени и сколько еще оставалось. Неважно было даже то, что ждать, возможно, придется до вечера. Все равно! Все равно уже сегодня она поедет к морю с мужем, которого очень уважала, любила и вообще боготворила, совсем позабыв, что творить себе кумира — богопротивное занятие. Вернее, не позабыла, а просто не ломала голову над тем, нарушает она заповеди или нет. Это только ее личное, и поделаться с этим она ничего не могла.

— Настораживает тот факт, что жертвами мошенников становятся вполне нормальные люди! — уверял с экрана какой-то безликий тип, без конца теребивший шариковую ручку. Хотя это вполне могло быть у него и нервным. Мало ли, переволновался человек, не каждый же день тебя снимают камеры. И от конфузливости незнания, куда в момент съемки девать незанятые руки, щелкает затвором авторучки. — Граждане, прошу вас быть бдительными! — призывал через слово все он же. — Изопренность мошенников не знает пределов. С каждым годом они все более

изобретательны! Преступники не гнушаются ничем. Играют на слабых местах своих жертв...

Она невольно прислушалась, тут же задавшись вопросом: а какое у нее слабое место, интересно? Чем ее можно поддеть и заставить поверить в откровенное вранье и «разводиловое», как любят говорить ее подопечные? В чем ее уязвимость?

— Когда человека охватила паника, он очень редко способен включить свой здравый смысл, — продолжал предостерегать хмурый, безликий мужчина с очень суровым видом.

Поверить в то, что он в самом деле сочувствует обманутым людям, ставшим жертвами матерых мошенников, было очень сложно. Не было в нем сочувствия, скорее усталость. Да, да, именно усталым раздражением несло от каждого его слова. Так и читался скрытый подтекст его выступления: ну до какой же поры вы будете такими тупыми, граждане, когда наконец вы позволите нам, несчастным, отдохнуть, сколько можно выручать вас из всякого рода неприятностей...

Вот что было написано на лице майора Невзорова — так представил его ведущий в самом начале передачи, именно это удалось ей рассмотреть одним глазом. Второй лениво дремал, вжатый в подушку.

Майор и правда, наверное, устал, подумала она с невольной жалостью, которая возникла скорее от спокойного ее безмятежного ожидания, а не от искреннего сочувствия.

Устал, измотался, недосыпает, ест урывками, все больше на ходу и всухомятку. Еще он много курит, порой выпивает с коллегами, ежедневно накачивается дрянным кофе. К тому же наверняка обладает скверным характером.

А какой еще может быть характер у человека с та-

ким не улыбчивым тяжелым взглядом, едва проби-
вающимся из-под набрякших век? Конечно, сквер-
ный. Он, этот Невзоров, вечно думает, размышляет,
связывает расползающиеся концы с концами в рас-
следованиях, оттого у него и лоб весь в морщинах, и
цвет лица серый, и рот скупой поджат. Его ведь и нача-
ми наверняка с постели поднимают, и из-за празд-
ничного стола выдергивают, и он не может себе «сто-
пудово» — так тоже любят говорить ее подопечные —
позволить такое вот ничегонеделанье. Он сочтет это
преступным и безответственным. Нельзя терять время
на то, чтобы просто лежать, ни о чем не думать, ничего
не делать. А паузу ожидания можно заполнить чем-то
полезным. К примеру, пол лишней раз подмести.

— Брюзга, — обозвала она едва слышно Невзорова
и даже показала ему язык, будто он мог это увидеть.

— Не отмахивайтесь от моих слов, — неожиданно
заявил Невзоров с упреком, будто ухитрился за ней
проследить. Она даже покраснела, честное слово. —
Есть хорошая французская пословица: «В опасении
половина спасения!» Очень мудрые слова, прислу-
шайтесь к ним. Если вы сами не озаботитесь своей
личной безопасностью, безопасностью вашего жили-
ща, то кто сделает это за вас?..

Настроение неожиданно испортилось. Просто ле-
жать и ничего не делать расхотелось, и Юля, сбросив
ноги с дивана, встала. Посмотрела на свои измятые
домашние брюки цвета слоновой кости, на задрав-
шуюся на пупке майку, тут же нашла, что лак на обо-
их мизинцах облупился, и проворчала:

— Вот все твои слабые места, дорогая!

Муж с минуты на минуту вернется со службы, а
она выглядит так, будто только что закончила гене-

ральную уборку двухэтажного дома, приготовила обед на семью из десяти человек и...

Этого же не было ничего!

Не было двухэтажного дома — всего лишь большая благоустроенная квартира из трех огромных комнат, столовой, ванной, душевой и пары туалетов. И генеральной уборкой она не занималась, с этим благополучно справлялась приходящая домработница, которую порекомендовали соседи по подъезду со второго этажа.

Не было семьи из десяти человек. Только она — Юля и ее муж — Степан. И обеды она не готовила. Этим занималась все та же Мария Ивановна, домработница с рекомендациями.

Юля же была освобождена от гнета семейного быта. Полностью. Раз и навсегда. Это было первое требование Степана.

— Моя жена должна быть женщиной, а не кухаркой, — заявил он безапелляционно, целуя огромный волдырь на ее пальце, который она ухитрилась посадить, ухватившись за огненную ручку кастрюли. — Мы можем позволить себе это, милая. Ради чего тогда работать?..

Работой, правда, ее занятия можно было назвать с большой натяжкой, но платили неплохо.

Имея высшее филологическое образование, она подтягивала отстающих оболтусов из хороших семей по русскому и литературе.

Их было не так уж много — всего четверо. Приходили они к ней парами через день и занимались по два-три часа. Разве же это работа? Она и не уставала совсем. Ее как раз все это развлекало. Дети ее любили, старательно писали под диктовку, зубрили прави-

ла и слушали километровые отрывки стихотворений, которые она им читала с упоением наизусть.

Время пролетало незаметно. И заработанных денег вполне хватало на то, чтобы покрывать расходы: содержание домработницы, массажный и косметический салоны и не очень дорогие подарки Степану. В общем, помимо денег, эта работа приносила другие радости: можно было смело спать допоздна, совершенно свободно распоряжаться своим временем и порой устраивать себе праздное времяпрепровождение, шатаясь по квартире в домашнем костюме.

— Красотка, сказать нечего! — фыркнула Юля своему отражению в огромном зеркале.

Выглядела она сейчас в самом деле не очень — на слабую троечку едва выглядела.

От долгого лежания на диване штаны и майка помялись, волосы спутались, лицо чуть припухло, а на одной щеке образовалось два перекрещивающихся красных следа от подушки. И это за пару часов до отъезда!

Кошмар, покачала бы головой Мария Ивановна.

Непорядок, дернул бы подбородком Степан.

Полный отстой, хмыкнули бы ее подопечные.

Для исправления ситуации требовалось срочно в душ — под контрастные струи. Потом вооружиться бытовыми электроприборами, в плане электрических расчесок и фена. Залить физиономию нежной эмульсией с концентратом клубничного сока, пощелкать по щекам, покусать губы и только после этого можно было представлять пред светлые любимые очи.

Очи при встрече оказались слегка затуманенными.

— Устал, — отбрыкнулся Степка от ее объятий и поплелся, сильно приволакивая ноги, в душ. — Я щас, погоди...

Годить пришлось почти час. Степка за пластиковой дверью душевой будто целый батальон купал. Гремел чем-то, плескался, жужжал электробритвой и все никак не хотел выходить.

— Степ, ну мы едем сегодня или нет? — ныла она под дверью и корябалась. — У меня уже все собрано. Сам говорил, что в ночь выедем!

— Ап!

Выпрыгнул он из душа совершенно неожиданно, когда она уже, устав ждать, взяла курс на гостиную. Тут же обхватил ее сзади, прижал к себе и поцеловал в шею, потершись гладковыбритой щекой о ее щеку.

— Чего такая кислая?

— А чего не киснуть? — притворно заныла Юля. — Пришел темнее тучи, заперся, не выходишь, на вопросы не отвечаешь.

— Какие вопросы, Юлек?

— Едем сегодня или нет?

— Давай завтра с утра, а? — Муж повернул ее к себе и заглянул самыми прекрасными на свете голубыми глазищами ей прямо в душу. — Отдохнем, выспимся, а с утра пораньше в путь. Как тебе такая перспектива?

Перспектива ей не понравилась. Дорожные сумки были собраны. Провизия в дорогу, приготовленная Марией Ивановной, тоже. Та зажарила курочку, напекла немислимых слоев, которые не крошились в руках, а таяли во рту, нарезала тонкими пластинками сыр, намыла яблоки и груши. Все это очень аккуратно упаковала в плетеную корзинку, перестелив чистыми полотенцами. И что теперь? Все снова доставать? Распаковывать, убирать в холодильник курицу, которая к утру непременно покроется жиром? Фу, есть не захочешь...

— Утром значит утром, — кивнула она, улыбнувшись мужу.

Упаси бог с ним спорить. Такого она себе не позволяла никогда. И не потому, что не желала нелепых скандалов в доме, а просто потому, что почти всегда считала его правым. Он же умница — ее обожаемый муж. Умный и рассудительный. Если счел необходимым выехать завтра утром, стало быть, так надо.

Необходимость остаться дома еще на один вечер скоро и проявилась.

— Ты иди ложись спать, а я еще немного поработаю, — поцеловав ее в лоб, пробормотал Степан и раскрыл ноутбук на коленках, устраиваясь удобнее в кресле. — Нужно кое-что доделать, сбросить по электронке, дожидаться одобрения, а тогда уж...

— И в дорогу пора, да? — рассмеялась Юля. — Ты же устал. Отдохнуть хотел, Степ.

— Мы куда с тобой едем вообще, я не понял? — шутливо повысил он голос. — На отдых, так ведь?

— Ну, да.

— Вот там и отдохнем. Иди, детка, отдыхай. А то будешь завтра носиком клевать всю дорогу. А мне собеседник нужен...

Собеседник из нее получился никудышный. Невзирая на то, что проспала всю ночь как убитая. Даже не слышала, как Степан пришел. Стоило им отъехать от города за сотню километров, как Юлю потянуло в сон.

Пейзаж за окном был однообразен и вскоре начал наводить на нее уныние заросшими сорняком пустошами и кособокими домами в придорожных деревнях.

— Как же люди здесь живут, Степа?! Ужас просто! — восклицала она поначалу, до того, как приня-

лась клевать носом. — Грязь какая... Запустение... Нельзя же так!

— Их это, возможно, устраивает, — равнодушно дергал он плечами.

— Но как может такое устраивать?!

— Не устраивало бы, попытались бы что-нибудь изменить. Траву в палисаднике покосить, к примеру. Ленив мужик, милая, очень ленив. Только и может, что завидовать да на соседское добро зариться. Столько ворья, столько мошенников, ты себе не представляешь!

— Ты знаешь, вчера передача шла по телевизору, — вспомнила она неожиданно про не улыбчивого Невзорова. — Так вот там...

Она вкратце рассказала Степану обо всех предостережениях майора.

— Ну вот! А я что говорил?! — подхватил тут же Степан. — Вместо того чтобы свою смекалку использовать в нужном направлении, они изощряются в преступлениях. До такого порой додумаются, что диву просто даешься. С психологией опять-таки у них все поставлено...

— Да! — перебила его Юля, снова вспомнив слова из передачи. — Об этом он тоже говорил. Мол, мошенники находят слабые, уязвимые места и играют на этом.

— Вот-вот. И это все вместо того, чтобы работать. Зачем, к примеру, ехать и поднимать деревню, вилами махать, косой там, когда можно позвонить кому-нибудь по телефону и... — он внезапно умолк и тут же резко вывернул руль вправо, выругавшись: — Вот идиоты, а! Как можно так ездить, не пойму!

Вскоре машин прибавилось, Степан полностью сосредоточился на дороге. И Юле ничего не оставалось делать, как, привалившись правой щекой к дорожной подушечке, дремать. Так и ехала, то откроет глаза,

когда Степан, не выдерживая бездорожья, выругается, то снова их закроет.

Заросшие сорняком пустоши часа через три сменились плантациями подсолнечника.

— Красиво... — шепнула она, поправляя под щекой подушечку. — Как отражение восходящего солнца.

— Почему? — не понял Степан, занятый дорогой.

— Так на восток все время смотрят...

Потом срезы оврагов запестрели меловыми залежами, еще дальше на пути выросли шахтные отработки, проехали Ростов, Краснодар. Машин становилось все больше и больше. В салоне, невзирая на работающий кондиционер, — все жарче и жарче. А Степан — все пасмурнее и пасмурнее.

— Мне показалось или ты расстроился из-за телефонного звонка? — пролопотала Юля сонно, вытягивая затекшие ноги.

— Какого звонка? — вздрогнул он, задетый ее рукой.

— Тебе кто-то позвонил, ты рассердился и теперь едешь мрачнее тучи.

Юля перегнулась назад, нырнув между сиденьями. Нашарила в корзинке минералку и, придавливая крышкой яростное шипение из горлышка, открыла бутылку.

— Будешь пить?

— Нет, спасибо, — он помотал головой, посмотрел на часы. — Ночевать будем в дороге?

— Как скажешь, — она пожала плечами. — Я-то выспалась, а ты... Тебе же надо отдохнуть. Так кто тебе звонил, Степа?

— Никто не звонил, — неожиданно резко ответил муж. — Тебе приснилось. А вот мне какой-никакой сон просто необходим. Просто отключаюсь. Переспим?

— Давай, — согласилась она, немного на него оби-
девшись.

Что в самом деле из нее дурочку делает? Она отчетливо слышала: звонок на его мобильный. Было это... Точно не скажет, но далеко уже за Ростовом. Мелодия еще очень странная звучала, что-то из шансона. Очень громко, к слову, звучала, мертвого бы подняла, а она даже и не спала, а так, дремала.

Так вот, позвонил кто-то. Степан ответил. Долго слушал, не произнося ни слова. Потом буркнул очень резко и очень недовольно:

— Да понял я, не дурак!

И снова замолчал. Она еще подумала тогда, что разговор окончен, и приоткрыла один глаз. Нет, он по-прежнему слушал кого-то, прижимая свою «раскладушку» к уху.

Юля глаз снова прикрыла и минуты через две едва не подпрыгнула, потому что Степа как закричит:

— Через два, я сказал!

Она завозилась. Хотела приоткрыть глаза, но услышала характерный звук, сопровождающий закрытие его телефонного аппарата, и решила не напрягаться. Разговор был окончен. И вот потом уже уснула достаточно крепко. А перед этим...

Она не спала! Она слышала! Степан с кем-то говорил на повышенных тонах. Правильнее — слушал, а потом уже говорил. И слушал гораздо дольше, чем говорил. Чего тут скрывать?! Она же не дура.

— Я и не говорил, что ты дура, милая, — Степан делано рассмеялся. — Я сказал, что никакого телефонного разговора не было, тебе это приснилось. Хочешь, посмотри во входящих звонках, там ничего нет.

Проверять его? Проверять его искренность?! Да как можно! Она же... Она же верит ему, любит его, до-

рожит им и еще много, много чего, чему еще не успели дать названия, но что иногда душит ее просто до слез умиления. И вот, имея на руках такой разворот козырных чувств к своему мужу, она должна его проверять?

Нет! Это противно.

— Не сердись. — Она поймала ладонью его напряженный затылок и легонько погладила пальцами. — Может, и правда приснилось. Ты прости. Дорога... Так утомительно. Прости?

— Все в порядке, — он передернулся. — От твоих пальцев у меня по спине мурашки.

— Это хорошо или плохо?

— Это отвлекает. — Он покосился на нее со значением. — Так я останавливаюсь у первого мотеля?

— Давай...

Невзирая на ее предвзятое отношение ко всякого рода придорожным ночлежкам и харчевням, как она это привыкла называть, мотель «Добрый сон» оказался весьма и весьма приличным местом. Двухэтажный деревянный сруб с впечатанными в бревна пластиковыми окнами. В каждом номере кондиционеры, крохотный, на двадцать посадочных мест, ресторанчик на первом этаже, окнами во двор. И три огромных пса, вяло несущих свою вахту по всему периметру.

До ступенек мотеля «Добрый сон» Юля шла мелкими шажками, вцепившись в локоть Степана так, что тот болезненно захныкал через минуту.

— Ты мне так кости переломаешь, милая.

— Ну, собаки же, Степ! — прошептала она зловеще, боясь даже коситься в их сторону. — Непривязанные!

— Если не привязаны, значит, не представляют опасности, — начал рассуждать логически ее самый умный на свете муж. — Разве стал бы хозяин мотеля так рисковать постояльцами? Нет, конечно. А если

они не опасны, то и бояться их нечего, дорогая. Отпусти мою руку, больно же!

Руки она не выпустила до самых дверей, но хватку ослабила. И вздохнула спокойно, только когда за ними закрылась дверь их номера.

— А тут миленько, — признала Юля, оглядевшись. — Чисто и со вкусом.

Чисто было до стерильности. Плитка в ванной комнате тоненько взвизгнула, когда она с силой провела по ней пальцем, пытаясь отыскать характерную слизь. Полотенца, постельное белье все в упаковках с еще не оторванными ценниками. Она могла бы, конечно, придрататься, что, мол, все это надлежит пропустить через утюг. Что негигиенично, но...

Но предпочтительнее было самолично вскрыть фабричную упаковку, чем догадываться, кто еще мог коснуться этого белья руками.

Степан принял душ первым. Она не стала спорить. Человек почти десять часов провел за рулем, устал, значит, заслужил. В общем, она уступила. И подушку под его влажной после душа головой взбила повыше, когда он упал со стоном на кровать.

— Отдыхай, я сейчас, — пообещала она, обцеловывая любимое лицо.

Торопливо намыливалась, торопливо чередовала по привычке воду, так же спешила, высушивая волосы. Вышла из душа, а Степана нет. Растерянно заморгав его влажному оттиску на свежестеленной кровати, она как идиотка даже к шкафу ринулась. Будто Степан совсем из ума выжил и вдруг решил поиграть с ней в прятки.

Конечно, в шкафу никого не оказалось, две их дорожные сумки не в счет. И под кроватью ее муж не

прятался тоже, не нужно было даже нагибаться. Нагнулась, честное слово, мозги от жары распарило!

Нет, ну куда же он мог надеваться с такой-то усталости?! Ведь едва ноги волочил, выбираясь из душевой комнаты, а тут вдруг...

Совершенно неожиданно Юлю охватило незнакомое прежде чувство странного беспокойства. Нельзя было даже сказать, что она начала беспокоиться за Степана. Не иголка, в конце концов найдется. Может, в ресторан пошел, сделать заказ. Может, воздухом вышел подышать на балкон, опоясывающий здание чугунными низкими перильцами. Ну, нравится человеку дышать знойным спертым воздухом, кто против. Нет, не отсутствие Степана вызвало у Юли смутное беспокойство. Что-то еще... Что-то другое...

Как-то неуютно сделалось мгновенно, до мурашек под лопатками, от этого противного чувства. Будто ветром ледяным повеяло, будто солнце кто спрятал за огромной черной тучей, и дождевые капли будто намочили шею под воротником. Вот как ей сделалось от того, что Степана не оказалось там, где он должен был быть определенно. Ведь в их общей с ним жизни все было так... Так размеренно, так спокойно, мирно, счастливо и безмятежно. И главное — системно! Каждая вещь, каждое действие знали свое место и время.

Утро начиналось с едва слышного звонка кофеварки. Степан всегда программировал ее с вечера, чтобы, не успев открыть как следует глаза, тут же хлебнуть из крохотной глиняной чашечки. Он выпивал сам, потом тащил кофе ей в постель. Если Юля изъявляла желания пробудиться в половине восьмого утра, то кофе не оставался остывать на тумбочке. Потом Степан уезжал на службу. А она, выбравшись из кровати, начинала свой день.

Час уходил на то, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к приходу детей. Они приходили. Она вела их к Степану в кабинет, где они занимались за огромным Т-образным столом. В перерыве она поила учеников чаем, соком, кофе, в зависимости от их пожеланий. Угощала пирожными, кексами, печеньем. Потом провожала детей и начинала готовиться к ужину, а потом к обеду. Двое ее подопечных учились в школе в первую смену и приходили после обеда. Двое других занимались во вторую смену, а к ней заявлялись с утра.

Все ее приготовления к обеду или ужину заключались в том, что она шла на кухню, усаживалась на стул возле окна и с интересом наблюдала за тем, как хлопочет возле плиты Мария Ивановна. Она не надоедала домработнице вопросами, разговорами, молча грызла морковку либо капустный листик и с упоением смотрела на ловкие руки своей помощницы.

Потом Мария Ивановна, приготовив либо обед, либо ужин, уходила. А Юля начинала сервировать стол либо к обеду, либо к ужину. Их домработница жила в доме по соседству, и такой вот график — пришла-ушла — ее вполне устраивал. Ее работодателей тоже.

Обедала Юля, как правило, в одиночестве, ужинала всегда со Степаном.

Но даже полное одиночество за столом в их огромной кухне-столовой не позволяло ей расслабиться. Она всегда накрывала стол как положено: салфеточки, приборчики, цветочки в вазочке. Она же должна уважать себя? Должна! Вот и...

К ужину возвращался Степан. Они усаживались за стол. Неторопливо ели, разговаривали, время от времени касаясь губами края бокала с хорошим вином. Потом шли в гостиную, смотрели телевизор, снова разговаривали. Потом шли в спальню.

Секс у них был каждый день. Ровный, милый, приятный, без ненужной порывистости и иссушающей страсти. Они забирались под одеяло. Какое-то время Степан молча настраивался на исполнение супружеского долга. Юля в это время тихонько лежала рядом, нежно поглаживая его живот. Потом он к ней разворачивался, несколько раз целовал в губы и грудь, потом взбирался на нее, либо поворачивал ее к себе спиной, либо усаживал сверху, в зависимости от того, как им обоим этого хотелось. Дождался ее, потом поспевал следом и шел в ванную, а следом на кухню программировать кофеварку. Затем возвращался в кровать, дожидался жену после душа, пристраивал ее головку на своем плече, и они мирно засыпали.

И Степана, и Юлю такое положение вещей вполне устраивало. Менять никому ничего не хотелось. Так было день за днем. Так — планомерно, спокойно и мирно — протекала их совместная жизнь. И им в ней было очень уютно.

Мягкой и бархатистой казалась Юле ее жизнь. И она барахталась в ней, куталась в нее, втягивала ноздрями этот тонкий аромат безмятежности и совершенно ничего — уж точно — не собиралась в ней менять. И что самое главное — никогда за совместно прожитые годы у нее не возникало мерзкого чувства высыпавших мурашек под лопатками, и голову в плечи, будто от ледяных брызг, ей вжать не хотелось. А тут...

Очень быстренько Юля оделась, порывшись в своей дорожной сумке. Натянула свежую кофточку на трех пуговичках, шорты, сунула ноги в сандалии. Вытащила из дверного замка ключ и вышла из номера.

Она не собиралась следить за Степаном — боже упаси! Не собиралась идти по его следу, кто мог сказать подобное! Ее просто подгонял беспокойный зуд,